

УДК 1(091)

РЫЦАРЬ
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
КАНТИАНЫ

К 85-летию Л. А. Калининкова

THE KNIGHT
OF CONTEMPORARY RUSSIAN
KANTIANA

On the 85th Birthday of Leonard Kalinnikov

Фото: Александр Подгорчук / Клопс

Photo: Aleksandr Podgorchuk / Klops

А. С. Зильбер, С. В. Луговой, В. С. Попова,
А. Г. Пушкарский, В. А. Чальи¹

Обзор посвящен основным исследовательским достижениям профессора Л. А. Калининкова, представленным в его статьях и монографиях. Теоретические вопросы кантианства, рассмотренные в работах Калининкова, включают проблему познаваемости вещи самой по себе и noumenального аффицирования, характер системности философии Канта и методологию ее интерпретации. В циклах статей рассматриваются рецепция идей Канта в философском и поэтическом творчестве В. С. Соловьева, влияние Канта на мысль А. С. Пушкина, А. А. Фета, Э. Т. А. Гофмана. Более подробное развитие этих тем предложено в монографиях «Иммануил Кант в

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 02.03.2021 г. doi: 10.5922/0207-6918-2021-2-1

V. A. Chaly, S. V. Lugovoy, V. S. Porova,
A. G. Pushkarsky, A. S. Zilber¹

This is a review of the main research achievements of Professor L. A. Kalinnikov presented in his articles and monographs. The theoretical issues of Kantianism considered in Kalinnikov's works include the problem of cognisability of "the thing in itself" and noumenal affection, the character of systematicity in Kant's philosophy and the methodology of its interpretation. Cycles of articles are devoted to the reception of Kant's ideas in the philosophical and poetic work of V. S. Solovuyov, Kant's impact on A. S. Pushkin, A. A. Fet, and E. T. A. Hoffmann. These topics are elaborated in the monographs Immanuel Kant in Russian Poetry (2008), E. T. A. Hoffmann and I. Kant (2012), The

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia. Received: 02.03.2021. doi: 10.5922/0207-6918-2021-2-1

русской поэзии» (2008), «Э. Т. А. Гофман и И. Кант. Преодоление романтизма» (2012), «Философско-поэтическое мировоззрение А. А. Фета: влияние И. Канта и А. Шопенгауэра» (2016), «А. С. Пушкин и И. Кант. Поэт и философия» (2018), «Философская система Канта. Замысел и итоги» (2021). Исследования Л. А. Калининкова являются яркой и оригинальной частью современной русской кантианы.

Ключевые слова: Кант, философия и литература, философия и поэзия, А. С. Пушкин, А. А. Фет, В. С. Соловьев, Э. Т. А. Гофман

Леонард Александрович Калининников (род. 23 апреля 1936 г.) преподает в стенах калининградского университета с 1 октября 1966 г., пройдя за это время путь от старшего преподавателя до профессора. За пятьдесят пять лет он разработал и прочитал множество лекционных курсов по философии, был научным руководителем нескольких десятков студентов при написании дипломных работ. Шесть его аспирантов успешно защитили кандидатские диссертации, а двое самых первых из них — Евгений Винокуров и Вадим Чалый — впоследствии стали докторами наук. Помимо сугубо академической деятельности Леонард Александрович занимается популяризацией кантовской философии, выступая с научно-популярными лекциями. Дважды в год, 12 февраля и 22 апреля (в день памяти и день рождения кёнигсбергского мыслителя) он произносит свое слово о Канте — эту традицию, зародившуюся в 1974 году, он поддерживает на протяжении 47 лет. Все лекции и семинары профессора Калининникова отличаются мастерством, высоким профессионализмом и доходчивостью (насколько позволяет тема). Они воспитывают слушателей, направляя и приближая их к тому, что Кант называл конечной целью, — высшему благу, сочетающему добро и счастье.

В этой статье мы хотели бы предложить обзор основных исследовательских достижений профессора Л. А. Калининникова, чтобы дать представление новым читателям «Кантовского сборника» и напомнить постоянным чита-

Philosophical and Poetic Worldview of A. A. Fet: the Impact of I. Kant and A. Schopenhauer (2016), Pushkin and Kant. The Poet and Philosophy (2018), The Philosophical System of Kant. Conception and Outcomes (2021). L. A. Kalinnikov's works form an impressive and original part of contemporary Russian Kantiana.

Keywords: Kant, philosophy and literature, philosophy and poetry, Alexander Pushkin, Afanasy Fet, Vladimir Solovyov, E. T. A. Hoffmann

Leonard A. Kalinnikov (born 23 April 1936) has been teaching at Kaliningrad University since 1 October 1966, rising from senior lecturer to full professor. He has developed and delivered numerous courses of lectures on philosophy and supervised several dozen student graduation papers. Six of his post-graduate students have defended Candidate's dissertations and two of the very first ones — Evgeni Yu. Vinokurov and Vadim A. Chaly — later became Doctors of Sciences. In addition to academic work Leonard Kalinnikov is an active member of the popular science lecture circuit, delivering lectures on Kant's philosophy. Twice a year, on 12 February and 22 April (Kant's commemoration day and birthday) he delivers a speech on Kant, a tradition born in 1974 and maintained for 47 years. All of Prof. Kalinnikov's lectures are marked by professionalism, craftsmanship and simplicity (to the extent permitted by the topic). They elevate the listeners, steering them towards what Kant called the ultimate goal, the supreme value which combines the good and happiness.

In this article we would like to review the main research achievements of Prof. Kalinnikov, to introduce him to the new readers of the *Kantian Journal* and remind the older readers of the remarkably wide range of his

телям об удивительно широком круге интересов Леонарда Александровича, о его вкусе к нетривиальным философским проблемам и неожиданным решениям, которыми он делится с нами в своих статьях и монографиях.

Статьи, написанные Леонардом Александровичем для «Кантовского сборника» и других научных периодических изданий более чем за полвека его научной деятельности, актуализируют вопросы кантовской философии и продолжают давнюю традицию их рецепции в русской культуре. Среди этих статей целый цикл посвящен осмыслению творческих усилий В. С. Соловьева, направленных на преодоление мистического иррационализма и натурализма в русской философии и переустройство ее на антропологическом основании, — усилий, в которых потенциал кантовских идей сыграл решающую роль. Высказывание Соловьева о том, что он «в вопросах чисто философских находился под преобладающим влиянием Канта» (Соловьев, 1988, с. 549), получило детальное раскрытие в работах Калинникова. С особым вниманием Л. А. Калинников сопоставляет этические программы двух великих философов, обнаруживая их конвергенции и дивергенции (Калинников, 1993; 1994). Получает кантианскую рационалистическую интерпретацию и центральная для Соловьева идея Софии (Калинников, 1995).

Будучи знатоком не только философии, но и литературы, Леонард Александрович много сделал для раскрытия глубокой связи, существующей между русской литературой и немецкой классической философией, и прежде всего связи отечественной словесности с мыслью Канта. От Пушкина до Серебряного века и далее обнаруживается отклик на кантовские идеи в творчестве русских писателей и поэтов. Далекое не всегда в нем проявлялось согласие — мысль Канта часто вызывала критиче-

interests, his taste for non-trivial philosophical problems and out-of-the-box solutions he shares with the readers of his articles and monographs.

The articles Prof. Kalinnikov has written for the *Kantian Journal* and other academic periodicals during his academic career of more than half a century address the issues of Kantian philosophy and continue the long tradition of its reception in Russian culture. A whole cycle of articles is devoted to the creative endeavours of Vladimir Solovyov, aimed at overcoming the mystical irrationalism and naturalism in Russian philosophy and putting it on an anthropological foundation, efforts in which the potential of Kant's ideas proved to be crucial. Kalinnikov elaborates Solovyov's remark to the effect that "on purely philosophical issues" he was "under the prevalent influence of Kant" (Solovyov, 1988, p. 549). Kalinnikov paid particular attention to comparing the ethical programmes of the two great philosophers, pointing out their convergences and divergences (Kalinnikov, 1993; 1994). He offers a Kantian rationalist interpretation of Solovyov's central idea of Sophia (Kalinnikov, 1995).

A connoisseur not only of philosophy but also of literature, Kalinnikov has done much to reveal the underlying link between Russian literature and German classical philosophy with particular reference to Kant's thought. He discovers echoes of Kant's ideas in the work of Russian writers and poets from Pushkin to the Silver Age and beyond. These authors were not always in agreement with Kant's viewpoint — indeed, they were sometimes critical — but in any case it became part of the great cultural process. In his articles Kalinnikov compares

скую реакцию, но так или иначе становилась частью великого культурного процесса. В статьях Л. А. Калининкова сопоставлены кантовская «Метафизика нравов» и пушкинская «Капитанская дочка» (Калинников, 2019а), кантовское учение о праве и политика в пушкинском «Борисе Годунове» (Калинников, 2016а), эстетическая концепция А. А. Фета и теория гения Канта (Калинников, 2013; 2014а). Результаты этих исследований обобщены в монографиях.

Глубокий анализ в статьях Калининкова получила и теоретическая философия Канта. Серия работ посвящена системности кантовской философии, ее органической связи с идеологией Просвещения и с естественно-научной программой исследования природы (Калинников, 2018а; 2019б; 2019в). Разработана методология интерпретации философии Канта (Калинников, 1989; Калининков, 2014б). На протяжении многих лет внимание Л. А. Калининкова привлекают проблемы философии истории. Закономерности истории, способы их выявления, их отношения с моралью и религией изучены в его докторской диссертации и многочисленных научных статьях.

Внес вклад проф. Калининков и в дискуссию о вещи самой по себе, непознаваемость которой представляет одну из главных проблем с точки зрения исследователей Канта. Оригинальное решение Л. А. Калининкова состоит в том, что кажущееся противоречие «ноуменального аффицирования» снимается, если признать, что вещь сама по себе — это совокупность всего возможного опыта (Калинников, 1985).

В 2008 г. в издательстве «Канон+» была опубликована монография Л. А. Калининкова «Иммануил Кант в русской поэзии», написанная в жанре «философско-эстетических этюдов»². Книга быстро стала библиографической редкостью и нашла много интересующихся и

² См. рецензию: (Зильбер, 2008).

Kant's *Metaphysics of Morals* and Pushkin's *The Captain's Daughter* (Kalinnikov, 2019a), Kant's teaching on law and the politics of Pushkin's *Boris Godunov* (Kalinnikov, 2016a), Fet's aesthetic concept and Kant's theory of genius (Kalinnikov, 2013; 2014a). The results of these studies are aggregated in monographs.

Kalinnikov's articles offer a profound analysis of Kant's theoretical philosophy. A series of works are devoted to the systematicity of Kant's philosophy, its organic link with the Enlightenment ideology and the programme of natural studies (Kalinnikov, 2018a; 2019b; 2019c). A methodology has been developed for the interpretation of Kant's philosophy (Kalinnikov, 1989; Kalinnikov, 2014b). For many years Kalinnikov's attention has been attracted by issues of the philosophy of history. The regularities of history, methods of revealing them and their relationship with morality and religion were subjected to scrutiny in his doctoral dissertation and numerous articles.

Prof. Kalinnikov also contributed to the discussion of "the thing in itself", whose non-cognisability is thought to be one of the main problems of Kant studies. Kalinnikov came up with an original solution whereby the seeming contradiction of "noumenal affection" is removed if the thing in itself is seen as the totality of all possible experience (Kalinnikov, 1985).

In 2008 the Canon Plus publishing house brought out Kalinnikov's monograph *Immanuel Kant in Russian Poetry*, a series of philosophical-aesthetic essays.² The book attracted many interested and grateful readers and quickly became a bibliographical rarity. It combines the

² See the review: (Zilber, 2008).

благодарных читателей. Оригинальный взгляд на идеи Канта сочетается в этой работе с авторской трактовкой стихотворений. В целом, по мнению Леонарда Александровича, тот явный и скрытый диалог, который вели с Кантом русские поэты наряду с русскими философами, — явление по своему масштабу уникальное для мировой художественной культуры. В этом диалоге профессор Калининников видит один из истоков величия русской поэзии. Специфика поэтического взгляда на Канта, по мнению исследователя, в том, что поэзия располагает особыми возможностями в обращении к личности философа, в раскрытии сочетания логики и поэтики в его стиле мышления, в выявлении гармонии его идей и жизни.

Автор выделяет три этапа в процессе влияния Канта на русскую поэзию: начало Золотого века (первая треть XIX в.), Серебряный век, эпизоды «железного» XX в. На первом этапе в поле зрения оказываются стихи и письма «первого декабриста», члена «Союза благоденствия» поэта В. Ф. Раевского, который упоминал Канта в своих стихах (Калининников, 2008, с. 18). Вероятность влияния кантовских идей на содержание программы преобразований исключать нельзя (напомним, однако, что Кант — сторонник республики как идеала, но противник революции как средства его достижения), но в целом, по оценке Калининникова, декабристам не удалось еще вполне правильно и глубоко понять кантовскую практическую философию в различных ее аспектах (Там же, с. 24). В гораздо большей мере она оказалась доступна другу Раевского — А. С. Пушкину, вплоть до восхождения на тот уровень развития этической мысли, который преодолевал ограниченность идей как Просвещения, так и романтизма (Там же, с. 67). Коллизия любви (счастья) и долга в произведениях «Евгений Онегин» и «Цыганы», которая, с определенной точки зрения, разрешается в пользу долга при явной симпатии поэта к героям, поступающим из уважения к долгу, — это, по мнению Калининникова, отнюдь не случайное

author's original view on the ideas of Kant and the author's interpretation of poems. Prof. Kalinnikov argues that the overt and hidden dialogue in which Russian poets as well as Russian philosophers engaged Kant is a unique phenomenon in the world literary culture in terms of scale. Kalinnikov sees this dialogue as one of the sources of the grandeur of Russian poetry. He believes that the poetic view of Kant is special because poetry possesses special means of addressing the personality of the philosopher, revealing the combination of logic and poetry in the philosopher's style of thinking, the harmony of his ideas and life.

The author singles out three stages in the perception of Kant in Russian poetry: the beginning of the Golden Age (the first third of the nineteenth century), the Silver Age, and episodes of the "Iron" twentieth century. In the first stage the author focuses on the poems and letters of "the first Decembrist", a member of the "Union of Salvation" (*Soiuz spaseniia*), the poet Vladimir F. Rayevsky, who refers to Kant in his verses (Kalinnikov, 2008, p. 18). We cannot rule out that Kant's ideas exerted an influence on the programme of reforms (it will be remembered that Kant favoured the republic as an ideal, but was against revolution as a means of achieving it). On the whole, however, Kalinnikov believes that the Decembrists fell short of understanding various aspects of Kant's practical philosophy correctly and in all its depth (*ibid.*, p. 24). Pushkin, a friend of Rayevsky, did far better and rose to a level of ethical thought which overcame the limitations of both Enlightenment and Romanticism (*ibid.*, p. 67). Kalinnikov argues that the collision between love (happiness) and duty in Pushkin's *Eugene Onegin* and *The Gypsies*, which on one account is resolved in favour of duty, the poet, clearly sympathising with the characters who act out of duty, is not a fortuitous similarity

сходство или совпадение, но результат осознанного изучения и принятия Пушкиным этических позиций Канта. Неслучайно в этой интерпретации и то, что пушкинский образ Моцарта соответствует кантовской теории гения (этому посвящена третья глава монографии).

Освещение Калинниковым второго этапа истории начинается с анализа позиции Владимира Соловьева по отношению к Канту — позиции, в которой нашлось место иронии, уважению и серьезной критике. В пьесе «Альсим» Соловьев высмеял то увлечение Кантом, которое распространилось в российских университетах во второй половине XIX в. (Там же, с. 99). В стихотворении «Из письма» мишенью соловьевской сатиры стали попытки поверхностного толкования идей Канта (Там же, с. 82). Объектом критики в философии Канта Соловьев избрал разрыв между объективным и субъективным — и этот разрыв русский мыслитель пытался преодолеть в своем учении о Софии. В системе Канта Калинников находит рациональный, демистифицированный аналог идеи Софии (Там же, с. 116).

Дальнейшее освещение творчества и судеб поэтов «серебряного века» представлено Л. А. Калинниковым в поле напряжения между Кантом, чья «Критика способности суждения» послужила одной из теоретических основ символизма, и Соловьевым. Так, А. Белый испытал влияние обоих философов, и коллизия их взглядов отразилась, по мнению Калиникова, в его отношениях с Ниной Петровской (Там же, с. 145–149), но в творчестве он все более становился кантианцем, хотя упорно не желал принимать неокантианство и отчасти самого Канта (Там же, с. 179). В. Я. Брюсов, будучи позитивистом, даже близким прагматизму, использовал идеи Канта в борьбе с религиозными догмами. Отдельная глава посвящена Д. С. Мережковскому. В поэме «Протопоп Аввакум» он выступил против тезиса Канта о недопустимости лжи во спасение. На этот выпад против Канта откликнулся Соловьев. Но оба философа, по мнению Калиникова, недоста-

but the result of Pushkin's serious study and acceptance of Kant's ethical position. It is also not by accident that Pushkin's image of Mozart corresponds to Kant's theory of genius (the whole of Chapter 3 is devoted to this).

Kalinnikov's discussion of the second stage of history begins with an ironic, respectful and serious analysis of Vladimir Solovyov's position on Kant. In his play "Alsim" Solovyov mocked the Kant craze which swept Russian universities in the second half of the nineteenth century (*ibid.*, p. 99). Solovyov's poem "From a Letter" satirises superficial interpretation of Kant's ideas (*ibid.*, p. 82). Solovyov criticises Kant's philosophy for separating the objective from the subjective, a gap Solovyov tried to overcome in his teaching on Sophia. Kalinnikov finds a rational "demystified" analogue to the Sophia idea in Kant's system (*ibid.*, p. 116).

Kalinnikov's description of the lives and work of the Silver Age poets is informed with the tension between Kant, whose *Critique of the Power of Judgment* was one of the theoretical foundations of Symbolism, and Solovyov. Thus, Andrey Bely came under the influence of both philosophers, the clash of whose views, Kalinnikov believes, was reflected in his relations with Nina Petrovskaya (*ibid.*, pp. 145–149), whereas in his work he was becoming more and more of a Kantian, even though he stubbornly refused to accept Neo-Kantianism and to some extent Kant himself (*ibid.*, p. 179). Valery Bryusov, who embraced Positivism verging on Pragmatism, used Kant's ideas in combating religious dogmas. A separate chapter is devoted to Dmitry Merezhkovsky who in his poem "Archpriest Avvakum" challenged Kant's thesis that lying to save a life was inadmissible. Solovyov responded to Merezhkovsky's attack on Kant. In Kalinnikov's opinion, neither of the two philosophers fully understood Kant who, in the final analysis, highly valued human life, from which one

точно хорошо поняли Канта, который все же высоко ставил ценность жизни, из чего следовало, что для ее спасения должны быть использованы все средства, в том числе ложь (Там же, с. 167). В драматической сказке «Возвращение к природе», где Мережковский поднимает проблему нравственного вырождения цивилизованного человека, позиция Канта противопоставляется, как полагает Калинин, утопиям Толстого и Руссо, а также антиутопии Ницше. Но в конечном счете в решении этой проблемы Мережковский отдает предпочтение не кантовскому пониманию разумно-чувственной природы человека, поскольку человеческий разум бессилён перед «безграничным и неведомым миром noumenальных сущностей» (Там же, с. 174), а идее Соловьева о грядущем Богочеловечестве, гармоническом единении Человека, Природы и Бога (Там же, с. 176).

Вяч. Иванов, хоть и критиковал Канта за индивидуализм в этике, отметил триадичность его системы, выделив наряду с царствами вещей самих по себе и природы третье царство — человека, субъективности (Там же, с. 230). Кроме того, Вяч. Иванов вслед за Соловьевым предложил синтез кантианства и аристотелизма в качестве гносеологической основы символизма (Там же, с. 223–226).

При обращении к поэзии XX в. Л. А. Калинин рассматривает стихи М. И. Цветаевой, Е. М. Винокурова, Ф. А. Искандера, калининградского писателя С. А. Снегова, а также переводы стихов Канта, выполненные С. Х. Симкиным. Отдельная глава посвящена рецепции в русской поэзии и прозе кантовского образа звездного неба в связи с моральным законом.

В 2012 г. вышла книга Л. А. Калининкова «Э. Т. А. Гофман и И. Кант. Преодоление романтизма» (Калининков, 2012). В ней разработана проблема взаимодействия философского и художественного мышления на материале

can conclude that all means, including lying, should be used to save it (*ibid.*, p. 167). Merezhkovsky's dramatic tale, "Back to Nature", raises the problem of the natural degradation of the civilised human being and, according to Kalinnikov, juxtaposes Kant's position to the utopias of Lev Tolstoy and Jean-Jacques Rousseau and the anti-utopia of Nietzsche. But at the end of the day Merezhkovsky, on this problem, does not choose the Kantian interpretation of the reasonable-sensible nature of man because the human mind is powerless in the face of the "infinite and unknowable world of noumenal entities" (*ibid.*, p. 174), but rather Solovyov's idea of the future God-Man, a harmonious union of Man, Nature and God (*ibid.*, p. 176).

Vyacheslav Ivanov, while criticising Kant for individualism in his ethics, noted that his system was actually a triad since along with the realm of things in themselves and nature there was also a third realm, the realm of man, of subjectivity (*ibid.*, p. 230). In addition, following Solovyov, Viacheslav Ivanov proposed a synthesis of Kantianism and Aristotelianism as the epistemological basis of Symbolism (*ibid.*, pp. 223-226).

Of the twentieth-century poets the book considers the poems of Marina Tsvetayeva, Evgeny M. Vinokurov, Fazil Iskander, of Kaliningrad writer Sergey Snegov and Sem Simkin's translations of Kant's poems. A separate chapter is devoted to the reception of Kant's image of the starry sky in connection with the moral law in Russian poetry.

In 2012 Kalinnikov published a book titled *E. T. A. Hoffmann and I. Kant. Transcending Romanticism* (Kalinnikov, 2012). It explores the problem of the interaction between philosophical and artistic thought on the basis of the

художественного творчества немецкого писателя, а также сказочника, композитора, художника и юриста Э. Т. А. Гофмана. В этой книге Леонард Александрович высказал и обосновал нетривиальные и даже крамольные с точки зрения профильных специалистов — историков и литературоведов — идеи. Во-первых, это идея о том, что адекватно понять и осознать особенности художественного стиля и мировоззренческих установок Э. Т. А. Гофмана невозможно без признания влияния на них философских идей И. Канта. Во-вторых, в книге утверждается, что Гофмана нельзя считать романтиком — напротив, его творчество представляет собой преодоление романтизма. Работу Л. А. Калинникова трудно отнести к определенной научной дисциплине, например к философской эстетике, поскольку автор вырабатывает оригинальную исследовательскую методологию. Его, как отметил рецензент, «не интересуют прямые отклики немецкого писателя на философию Канта, автор монографии стремится показать кантовскую тональность, кантовский колорит творчества Гофмана. Речь идет не о переносе идей из одной области культуры в другую, а об установлении созвучий, идейного контрапункта между литературой и философией... Это отношение к литературному произведению как к культурному достоянию, как к гипертексту достигается помещением его в культурный и социальный контекст...» (Конеv, 2013, с. 112).

Книга состоит из семи глав. В первой рассматривается взаимосвязь творчества Гофмана с теорией эстетики Канта. В ней подвергается критике традиционное отнесение Гофмана к романтикам и выдвигается тезис о преодолении романтизма в его творчестве. Вторая глава призвана обосновать этот тезис на примере новеллы «Песочный человек». В ней производится реконструкция гносеологии Гофмана, которая, по мнению автора, оказывается дуалистичной, и поэтому Гофмана нельзя считать чистым романтиком. В третьей главе автор разбирает отдельные эпизоды новеллы Гофмана «Известие о дальнейших судьбах собаки Берганца» и отмечает в них параллели с центральными поло-

work of E. T. A. Hoffmann, the German author of tales, composer, artist and lawyer. The book puts forward and grounds non-trivial ideas that were heresy for specialists, historians and literary scholars. First is the idea that the style and worldview of E. T. A. Hoffmann are impossible to understand without recognising the influence of Kant's philosophical ideas. Second, the book claims that Hoffmann cannot be regarded as a Romantic writer but, on the contrary, his work transcends Romanticism. Kalinnikov's book defies pigeonholing as belonging to a scientific discipline, e. g. philosophical aesthetics, because the author offers an original research methodology. As one reviewer noted, the author "is not interested in direct responses of the German writer to Kant's philosophy, he seeks rather to bring out Kant's tonality, the Kantian flavour of Hoffman's work. This is not about transferring ideas from one field of culture to another, but about establishing consonances, the ideal counterpoint between literature and philosophy [...]. The attitude to a literary work as part of the cultural heritage, as a hypertext, is achieved by placing it in a cultural and social context [...]" (Konev, 2013, p. 112).

The book consists of seven chapters. The first looks at the link between Hoffmann's work and Kant's aesthetics. It criticises the tradition of arbitrarily identifying Hoffmann with Romanticism and claims that Hoffmann transcends Romanticism. The second chapter is designed to prove this thesis by bringing in the novella *The Sandman*. It reconstructs Hoffmann's epistemology which, in the author's opinion, turns out to be dualistic and therefore Hoffmann cannot be considered as a pure Romantic. In the third chapter the author analyses episodes from Hoffmann's novella *The Latest Adventures of the Dog Berganza*, noting parallels with the central provisions of Kant's metaphysics-

жениями нравственной метафизики Канта, например с категорическим императивом. Обращаясь к повести «Крошка Цахес», Л. А. Калинин выявляет в ней особое двоемирие художественного пространства Гофмана и показывает, как данное произведение может служить иллюстрацией кантовского проекта Просвещения. Представление о пятой главе книги хорошо передают слова из рецензии В. А. Конева: «С огромным удовольствием читаются страницы, посвященные изящному анализу знаменитого романа Гофмана “Житейские воззрения кота Мурра”. <...> Прочитанный смыслом кантовской антропологии роман Гофмана по-новому раскрывает свою жанровую природу — он обнаруживается как философско-антропологический роман» (Конов, 2013, с. 113). Шестая глава соотносит политическую сатиру Гофмана в «Мастере Блохе» с моральной и политической философией Канта, а в седьмой сопоставляются новелла «Угловое окно кузена» и кантовский «Спор факультетов».

В целом на основе проведенного исследования Л. А. Калинин делает вывод, что творчество Э. Т. А. Гофмана представляет собой одну из первых попыток выработать особый индивидуально-художественный стиль в процессе перехода романтизма к новым художественным формам. И как бы ни относиться к идее Леонарда Александровича о решающем влиянии Канта на Гофмана, оригинальная, интригующая, написанная живым и выразительным языком работа уже оставила свой элегантный след на российском культурно-философском ландшафте. Как замечает автор подробной рецензии на монографию И. О. Деметьев, «тексты, вроде бы изученные вдоль и поперек, еще долго будут притягивать читателей. В этом отношении свой моральный долг перед великими земляками автор книги, вне всякого сомнения, исполнил» (Деметьев, 2013, с. 164).

Вышедшая в 2016 г. монография Леонарда Александровича «Философско-поэтическое мировоззрение А. А. Фета: влияние И. Канта и

ics, e.g. the categorical imperative. Turning to the tale *Little Zaches*, Kalinnikov discovers a dual nature of Hoffmann’s artistic space, arguing that this tale could be an illustration of Kant’s Enlightenment project. Chapter five is aptly described by reviewer V. A. Konev (2013, p. 113): “The pages devoted to an elegant analysis of Hoffmann’s famous novel, *The Life and Opinions of the Tomcat Murr*, make particularly delightful reading [...]. Read with the meanings of Kant’s anthropology in mind, Hoffmann’s novel presents itself in a new genre, as a philosophical-anthropological novel.” Chapter six compares Hoffmann’s political satire in *Master Flea* with Kant’s moral and political philosophy and chapter seven compares the novella *The Cousin’s Corner Window* and Kant’s *The Conflict of the Faculties*.

On the whole, his research leads Kalinnikov to the conclusion that E. T. A. Hoffmann’s work is one of the first attempts to develop an individual artistic style in the process of transition from Romanticism to other artistic forms. Whatever one may think of Kalinnikov’s idea about Kant being the decisive influence on Hoffmann, the original, intriguing and extremely well-written work has already left its elegant imprint on the Russian cultural-philosophical landscape. As I. O. Dementev (2013, p. 164) notes in his detailed analysis of the book, “[...] the texts which seem to have been studied through and through will continue to attract readers for a long time yet. In that respect the author has undoubtedly fulfilled his moral duty towards his great fellow countrymen.”

Kalinnikov’s monograph, *The Philosophical and Poetic Worldview of A. A. Fet. The Influence of I. Kant on A. Schopenhauer* (2016), is a piece of

А. Шопенгауэра» — это научное исследование, которое, как заявлено в описании книги, призвано доказать существенное влияние Канта на взгляды Фета и их творческое выражение в поэзии, а также опровергнуть мнение, что Фет был шопенгауэрианцем. Эта работа кантоведа одновременно с научной основательностью доводов дает читателю и вдохновение, и эстетическое наслаждение, и эмоциональную подпитку.

Л. А. Калинин исследует творческую лабораторию поэта. И это действительно наиболее релевантное понятие для отражения объекта изучения, представленного в этой монографии. Ведь творческая лаборатория художника вмещает все способы выражения его мировоззренческой установки: жизненный мир поэта, его значимых других, круг чтения и сомыслия, звездное небо и общественное бытие, его самоаттестацию. На пути к пониманию этой своеобразной поэтико-философской алхимии оказываются важны письма поэта, интерпретируемые Калинниковым как особый жанр философского творчества, а значит — материал для работы историка философии. Методология исследования, выбранная Л. А. Калинниковым, предполагает обоснование именно такой точки зрения на эпистолярное наследие Фета, а также правомерность историко-философского ракурса рассмотрения его творчества в целом. Почему же мы можем читать Фета как автора философских текстов, причем автора высокопрофессионального (см.: Калинин, 2016б, с. 9)? Позволим себе привести ряд аргументов, высказанных в монографии профессора Калиникова, которые представляются особенно убедительными.

Во-первых, Фет подходит к мировой философской мысли не просто избирательно, как следует глубокомысленному читателю, а периодизирует ее, устанавливая для себя связи, субординации и философские рецепции. Такая позиция необходима тому, кто полагает себя включенным в процесс философского творчества и учитывает философскую гравитацию во вселенной любомудров. При взгляде

research which, as declared in the description of the book, is meant to prove Kant's substantial influence on Fet's views and their creative expression in poetry, and to refute the claim that Fet is a Schopenhauer follower. This work of a Kant scholar is not only thoroughly researched, but gives the reader inspiration, aesthetic pleasure and emotional uplift.

Kalinnikov explores the poet's creative laboratory. It is indeed the most relevant way to describe the object of study presented in the monograph. An artist's creative laboratory includes all the means of expressing his worldview: the poet's living world, his significant others, circle of reading and co-thinking, the starry sky and social being, and self-attestation. Important signposts on the way to understanding this poetic-philosophical 'alchemy' are the poet's letters, which Kalinnikov interprets as a peculiar genre of philosophising, hence as material for the historian of philosophy. Kalinnikov's methodology presupposes this approach to Fet's epistolary legacy and warrants looking at his work as a whole from a historical-philosophical perspective. Why is it that we can read Fet as an author of philosophical texts, and a highly professional one at that (*cf.* Kalinnikov, 2016b, p. 9)? I will permit myself to cite a series of arguments found in Prof. Kalinnikov's monograph which I consider to be particularly convincing.

First, Fet approaches world of philosophical thought not just selectively, as befits a thoughtful reader, but divides it into periods, establishing his own connections, subordinations and philosophical receptions. He takes this stance because he thinks of himself as being included in the process of philosophical inquiry and is mindful of the philosophical gravitation of the universe of Russian "wisdom lovers". A look

на эту звездную карту философов выясняется, что особенно ярко для Фета блистали светила И. Канта и А. Шопенгауэра.

Во-вторых, в монографии показано, насколько цельным было мировоззрение Фета. Цельным, но не косным, а углублявшимся и совершенствовавшимся под влиянием работ Канта (Там же, с. 11). Именно поэтому за отдельными поэтическими озарениями, за художественной рефлексией Фета-поэта сокрыта основательная философская рефлексия Фета-мыслителя. К ее раскрытию и реконструкции Л. А. Калининков подходит со вниманием знатока философии Канта и Шопенгауэра.

В-третьих, Калининков обнаружил, что в мировоззрении Фета есть необходимые, существенные и атрибутивные черты философствующей личности как таковой — критичность и самостоятельность мышления (Там же, с. 12). Но, пожалуй, самое главное — это мудрость, которая для философа реализуется в готовности осуществлять авторский синтез антиномичных тенденций (либерализм и консерватизм, оптимизм и пессимизм, целеустремленная трезвая деятельность и проникновенный лиризм и т. д.) в диалектическом единстве действий теоретического и практического разума.

В-четвертых, Фет в понимании Калининкова мыслит искусство по-философски, а именно с точки зрения эстетики, а не эстетства. Чистое искусство Фета — это мир бытия ценностей, вечный и общечеловеческий, чуждый сиюминутной будничной конъюнктуры, даже если она ознаменована движением больших социальных масс (Там же, с. 12–13). И даже собственная жизнь с ее ощутимой ежечасно густой бытийственностью на плечах, со звуками домашними и природными, с картинами земными и небесными, с человеческими лицами и голосами, все «земное бытие поэта — лишь миг в бессмертном бытии чистой красоты» (Там же, с. 149). Поэтому наивысший философизм Фета мы должны искать в стихотворениях, говорящих о сущности поэзии (Там же, с. 158).

at this map of philosophical stars shows that for Fet the greatest luminaries were Kant and Schopenhauer.

Second, the monograph shows how integral Fet's worldview was. Integral, but not rigid, since it grew ever deeper and more perfect under the influence of Kant's works (*ibid.*, p. 11). That is why, behind poetic flashes of genius and artistic reflections of Fet the poet, there lurk solid philosophical reflections of Fet the thinker. Kalinnikov reveals and reconstructs it with the attention of a connoisseur of Kant and Schopenhauer.

Third, Kalinnikov has found that Fet's worldview possesses the necessary, essential and attributive traits of a philosopher as such: a critical attitude and intellectual independence (*ibid.*, p. 12). But perhaps most important of all, it is wisdom, which in the case of a philosopher means a readiness to synthesise antinomies (liberalism and conservatism, optimism and pessimism, purposive and sober-headed activity and poignant lyricism, etc.), dialectically bringing together acts of theoretical and practical reason.

Fourth, Fet, as understood by Kalinnikov, thinks about art like a philosopher, i. e. from the point of view of aesthetics and not aestheticism. Fet's pure art is a world of values, eternal and universal, shunning the mundanity of the here and now, even if it involves huge human masses (*ibid.*, pp. 12-13). Even one's own life with its tangible quotidian burden, with domestic and natural sounds, earthly and heavenly pictures, human faces and voices, all "the earthly existence of the poet is but an instant in the immortal existence of pure beauty" (*ibid.*, p. 149). That is why Fet is at his most philosophical in his poems concerned with the essence of poetry (*ibid.*, p. 158).

Fifth, Kalinnikov argues that it was Fet's philosophical worldview that enabled him to

В-пятых, именно философское мировоззрение, по мысли Л. А. Калининкова, позволило Фету разграничить и связать между собой науку, искусство и мораль. И, что важно, Фет смог по-кантовски рассматривать их как чистые формы сознания, раскрывая для себя и для своих адресатов предельные основания их бытия.

Секрет интеллектуального удовольствия от прочтения книги Л. А. Калининкова, как нам представляется, кроется в том, что в ее основу положена очень красивая и проникновенная идея — идея внутренней близости кантианству, наполняющей душу гения Фета (Там же, с. 15), идея растворения в «звездной красоте и мощи» философии Канта (Там же, с. 19). По ознакомлению читатель монографии остается с глубокой благодарностью автору работы за столь содержательную пищу для размышлений. Из этой книги, как из богатых жизнью морских глубин, можно извлечь перлы афористичности невероятной красоты: «У Фета стихи без звезд редки» (Там же, с. 18); «...космос одной природы с нами» (Там же, с. 20); «...в чистой красоте чистого искусства очистительный огонь, влекущий к прекрасным целям» (Там же, с. 149) и многие другие. Монография Л. А. Калининкова являет собой уникальное сочетание рациональной содержательности и обоснованности с богатой палитрой образности и философской метафоричности. Сейчас редко *так* пишут ученые люди... А пишут, все меньше обременяя себя заботой об эстетическом чувстве читателей философского «контента», о чем остается только сожалеть — и принимать с философской жаждой к работам Л. А. Калининкова.

В 2018 г. вышла монография Л. А. Калининкова «А. С. Пушкин и И. Кант. Поэт и философия», продолжающая серию его трудов, посвященных рецепции идей Канта в русской культуре. Комментируя возникновение замысла книги, Леонард Александрович пишет, что впер-

delimit and link together science, art and morality. And, importantly, Fet was able to study them in the Kantian way as pure forms of consciousness, revealing the ultimate foundations of their being for himself and his addressees.

The secret of the intellectual pleasure one derives from reading Kalinnikov's book is, in our opinion, a very beautiful and poignant idea that informs it: the idea of inner kinship with Kant that abides in the soul of Fet's genius (*ibid.*, p. 15), the idea of being immersed in "the stellar beauty and power" of Kant's philosophy (*ibid.*, p. 19). The reader comes away from reading the monograph with a feeling of profound gratitude to the author for the noble and rich food for reflection. The book, like the sea depths teeming with life, is replete with pithy aphorisms of incredible beauty: "Few of Fet's poems are without stars" (*ibid.*, p. 18); "[...] the cosmos and we have the same nature" (*ibid.*, p. 20); "the pure beauty of pure art has purifying fire that leads us towards beautiful goals" (*ibid.*, p. 149), to quote but a few. Kalinnikov's book is a unique combination of rational and well-argued content and a rich palette of imagery and philosophical metaphor. Learned folk rarely write *like this* today... More and more they prefer not to burden themselves with concern for the aesthetic feeling of the consumers of philosophical "content", leaving us to lament this fact and turn to Kalinnikov's works with unquenched philosophical thirst.

Kalinnikov's monograph *Pushkin and Kant. The Poet and Philosophy*, published in 2018, continues the series of works devoted to the reception of Kant's ideas in Russian culture. Commenting on how the book was conceived,

вые он «задумался над проблемой “Пушкин и Кант” в самом начале 90-х годов прошлого века» (Калинников, 2018б, с. 26), и его целью является обоснование «тезиса о кантианстве Пушкина» (Там же, с. 38). Поскольку великий русский поэт ни в каком тексте не выразил достаточно определенно того, что он осознанно опирался в своем творчестве на знание философии Канта, Л. А. Калинников создает оригинальную методологию, позволяющую постепенно верифицировать данный тезис. Он начинает с комментирования и интерпретации пушкинских произведений, где прямо упоминаются имя Канта и восходящие к нему понятия-«кантизм» (Там же, с. 23), затем приводит аргументы, что подобные тексты суть художественно-философские концепции, базирующиеся на кантовских идеях, и в итоге выявляет сущностные кантианские черты мировоззрения Пушкина. По утверждению автора, кантианскую нагрузку несут и основные произведения Пушкина, и небольшие стихотворения, а также черновики и другие рабочие материалы. В них содержатся отсылки к «Критике практического разума», «Критике способности суждения», «Метафизике нравов», «Антропологии с прагматической точки зрения» и другим кантовским трактатам.

В первой главе своей книги Л. А. Калинников размышляет над страницами «Евгения Онегина», полными, по замечанию Ю. М. Лотмана, скрытых «намёков, реминисценций и неявных цитат» (Лотман, 2003, с. 393). Леонард Александрович пытается выявить некоторые из них, пользуясь кантовскими понятиями и идеями. Таким образом, он продолжает исследования выдающегося тартуского филолога-семиотика, иногда полемизируя с ним. Например, Лотман обратил внимание на то, что Пушкин в описании поэтических опытов Ленского, «поклонника Канта» (Пушкин, 1960а, с. 38), выделил курсивом слова «нечто» и «туманна даль», предположив, что это цитата из статьи В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии» (Лотман, 1995, с. 598). Л. А. Калин-

Kalinnikov (2018b, p. 26) wrote that he “first thought about the ‘Pushkin and Kant’ problem in the early 1990s,” and that his aim was to prove “the thesis that Pushkin was a Kantian” (*ibid.*, p. 38). Since the great Russian poet never explicitly wrote in any of his texts that he consciously proceeded in his work from his knowledge of Kant’s philosophy, Kalinnikov designed an original method that permitted him to gradually build a case for this thesis. He begins by commenting on, and interpreting, Pushkin’s works that mention Kant by name and refer to “Kantianisms” (*ibid.*, p. 23). He then adduces arguments to show that such texts are artistic-philosophical concepts based on Kantian ideas and finally identifies Kantian traits in Pushkin’s worldview. The author argues that Kantian influence is felt not only in Pushkin’s main works, but also in his short verses as well as rough drafts and other working materials. They contain references to the *Critique of Practical Reason*, *Critique of the Power of Judgement*, *The Metaphysics of Morals*, *Anthropology from a Pragmatic Point of View* and other Kantian treatises. In the first chapter of his book Kalinnikov reflects on *Eugene Onegin* which, as Yury Lotman (1995, p. 393) noted, is replete with “hints, reminiscences and disguised quotations.” Kalinnikov tries to track down some of them using Kant’s concepts and ideas. He thus continues the research of the Tartu philologist and semiotics specialist, sometimes polemicising with him. Thus, Lotman drew attention to the fact that, in describing the poetic exercises of Lensky, “Kant’s votary” (Pushkin, 1981, p. 132) italicised the words *something* and *dim remoteness*, suggesting that this might have been a quotation from Wilhelm Küchelbecker’s article “On the Direction of Our Poetry” (Lotman, 1995, p. 190). Kalinnikov offers another version: “something” corresponds to the thing-in-itself and “dim re-

ников предлагает иную версию: «нечто» соответствует вещи в себе, а под туманной далью скрываются кантовские «конечная цель», «высшее благо» и «царство целей». Педагогическую программу месье l'Abbé, воспитателя Онегина, который, «чтоб не измучилось дитя, учил его всему шутя, не докучал моралью строгой» (Пушкин, 1960а, с. 12), Леонард Александрович, в отличие от Лотмана, возводит не к «Эмилю» Ж.-Ж. Руссо, а к поверхностно понятому руссоизму, над которым Пушкин, вероятно знакомый с содержанием трактата Канта «О педагогике», иронизировал. Наконец, в противопоставлении характеров Евгения Онегина, воплощающего образ эгоистического себялюбия, и Татьяны Лариной, обладающей человеческой полнотой совершенства, Л. А. Калинин видит отсылку к кантовской антитезе легальных и моральных поступков, которая позволяет толковать весь знаменитый роман в стихах как гимн долгу, такой же, как моральная теория Канта. Разумеется, эта оценка не бесспорна, но она нетривиальна и наталкивает читателей Пушкина на новые размышления.

Трагедию Пушкина «Моцарт и Сальери» Л. А. Калинин рассматривает сквозь оптику кантовой теории гения, а в «невысказанном содержании» драмы «Борис Годунов» обнаруживает «фундаментальную идею государственного права Канта» (Калининков, 2018б, с. 117). Пушкинский образ Моцарта содержит черты, на которые прямо указывает кантианская эстетика: оригинальность, неспособность описать процесс творения собственного произведения, открытие эпохального пути в искусстве. Знаменитая фраза «гений и злодейство — две вещи несовместные» (Пушкин, 1960б, с. 331), согласно Калининкову, есть «выражение *идеальной человечности*, в которой превыше всего мораль, умение следовать велениям категорического императива» (Калининков, 2018б, с. 113), она перекликается с кантовским утверждением «прекрасное есть символ нравственно доброго» (AA 05, S. 353; Кант, 2001, с. 517). А безмолвие на-

moteness” stands for Kant’s ultimate goal, the highest good and the kingdom of goals. As for the pedagogical programme of Monsieur l’Abbé, Onegin’s tutor, who, “not to wear out the infant, taught him all things in play, bothered him not with stern moralization” (Pushkin, 1981, p. 96), Kalinnikov, unlike Lotman, traces its origin not to Rousseau’s *Emile*, but to superficially understood views of Rousseau which Pushkin, who was familiar with the content of Kant’s treatise *On Pedagogics*, apparently mocked. Finally, Kalinnikov sees the juxtaposition of the characters of Eugene Onegin, a paragon of egoism, and Tatyana Larina, a perfect human being, as a hint at Kant’s antithesis of legal and moral acts, which suggests that the whole novel in verse is a hymn to duty, just like Kant’s moral theory. This interpretation is debatable, but it is non-trivial and thought-provoking.

Kalinnikov (2018b, p. 117) sees Pushkin’s tragedy *Mozart and Salieri* through the optics of the theory of genius and discovers “Kant’s fundamental idea of state law” in the “implied content” of the drama *Boris Godunov*. Pushkin’s portrayal of Mozart points directly to Kant’s aesthetics: originality, inability to describe one’s own creative process, discovery of one’s own epoch-making path in art. Pushkin’s famous phrase “Villainy and genius sit ill together” (Pushkin, 2007, p. 132) is, according to Kalinnikov (2018b, p. 113), “an expression of *ideal humanity* which puts morality and an ability to follow the bidding of the categorical imperative” above everything; it echoes Kant’s dictum that “the beautiful is the symbol of the morally good” (KU, AA 05, p. 353; Kant, 2001, p. 227). The speechless silence of the people in the final scene of *Boris Godunov*, Pushkin’s stroke of genius inspired by the treatise “An Answer to the Question: What is En-

рода в финале «Бориса Годунова» — это гениальная находка Пушкина, вдохновленная трактатом «Ответ на вопрос: что такое просвещение?». Она оставляет приверженный патернализму народ в неопределенном и нестерпимом положении, заставляет его, равно как и зрителя, думать, пользоваться собственным рассудком, а значит — выходить из того состояния, которое Кант называл «несовершеннолетие по собственной вине» и которое «имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им» (AA 08, S. 35; Кант, 1994, с. 127). С точки зрения Леонарда Александровича, эту мысль Канта Пушкин развил в «Медном всаднике», где главный герой, Евгений, во время наводнения не смог совладать со страхом, перейти к активным действиям, в результате чего лишился не только любимых людей, но и собственного рассудка.

В заключительной главе монографии Л. А. Калинин обнаруживает некоторые идеи из «Метафизики нравов» Канта в «Капитанской дочке» Пушкина. В частности, характер Швабрина раскрывается «в той же самой последовательности, в которой Кант расставляет пороки, вызванные неуважением других людей и ведущие, следовательно, к утрате чести» (Калинин, 2018б, с. 213): от высокомерия через злословие к издевательствам. С такой интерпретацией, думается, согласятся не все знатоки Пушкина, но бесспорна финальная мысль Леонарда Александровича: если кто-то из критиков станет опровергать положения монографии, он будет перечитывать гениальные пушкинские строки и испытает то же удовольствие, что и ее автор.

В 2021 г. в канун юбилея Л. А. Калинин опубликована его новая монография «Философская система Канта. Замысел и итоги» (Калинин, 2021). В ней представлен взгляд на развитие философской системы Канта как на

lightenment?», leaves a people used to state paternalism in an uncertain and intolerable situation, making the people and the audience think and use their brains, and thus emerge from the state which Kant described as “self-incurred immaturity”, of which “the cause lies not in lack of understanding but in lack of resolution and courage to use it” (WA, AA 08, p. 35; Kant, 1991, p. 54). From Kalinnikov’s point of view Pushkin elaborated this Kantian idea in *The Bronze Horseman* whose main character, Eugene, could neither cope with fear nor act and, as a result, lost not only his loved ones, but his own mind.

In the final chapter of the monograph Kalinnikov discovers some ideas of Kant’s *Metaphysics of Morals* in Pushkin’s *The Captain’s Daughter*. For instance, Shvabrin’s characterisation follows “the same sequence in which Kant enumerates the vices caused by disrespect for other people that leads to dishonour” (Kalinnikov, 2018b, p. 213): from arrogance via defamation to ridicule. Perhaps not all Pushkin fans would agree with this interpretation but one has to go along with Kalinnikov’s conclusion: if a critic denies the monograph’s assertions he will simply have to reread Pushkin’s great lines and experience the same pleasure as the author of the book.

Kalinnikov’s jubilee in 2021 was marked by the publication of his new monograph *The Philosophical System of Kant. Conception and Outcomes* (Kalinnikov, 2021). It presents a view of the development of Kant’s philosophical system as a process that lasted more than fifty years. Kalinnikov sees the pre-critical work of Kant as preparation of the future critical revolution and finds its transcendence in the

процесс, занявший более пятидесяти лет. В докритическом творчестве Канта Л. А. Калининков находит подготовку будущей критической революции, а ее преодоление обнаруживает в философии *посткритической*, оставшейся незавершенной. Каждому из этапов творчества Канта посвящена отдельная часть книги.

Уже в ранних работах Канта Калининков обнаруживает идеи, которые можно считать ростками будущей трансцендентальной антропологии. В «Мыслях об истинной оценке живых сил» Кант, по мнению Л. А. Калининкова, сосредоточен не только на сопоставлении картезианской и лейбнизианской концепций механического движения, но и на поиске метафизического решения проблемы жизни как активного начала. Впоследствии этот поиск приведет к идее активности, спонтанности и автономии человеческого субъекта. Здесь же Кант обосновывает «*принцип взаимодействия философии и науки*», который ко времени первой «Критики» разовьется в «*принцип относительности философии и науки*» (Калининков, 2021, с. 22).

Вторая часть книги посвящена «Критике чистого разума», содержащей, по мнению Л. А. Калининкова, законченную критическую систему, которую раскрывают остальные работы этого центрального этапа кантовского творчества. Автор критикует «генетический метод» изучения философии Канта и взгляд на «Критику» как на «состоящий из нескольких частей агрегат» (Там же, с. 66). Во многом именно такой взгляд привел к возникновению «традиционных» контраргументов к кантовским положениям, прежде всего касающимся невозможности непознаваемых вещей самих по себе. Этой проблеме автор монографии уделяет особенно пристальное внимание. Также в центре внимания Л. А. Калининкова оказывается критика Канта К. Ясперсом.

Третья часть книги предлагает исследование *Opus Postumum* и его значения в философии Канта. Значение этого сочинения состоит в том, чтобы дополнить критическую часть системы доктринальной, дающей «содержательную ос-

post-critical philosophy which was left uncompleted. A separate chapter in the book is devoted to each stage of Kant's work.

Already in Kant's early works Kalinnikov finds ideas that can be regarded as harbingers of a future transcendental anthropology. Kalinnikov believes that in *Thoughts on the True Estimation of Living Forces* Kant focuses not only on comparing Cartesian and Leibnizian concepts of mechanical movement, but also the search for a metaphysical solution to the problem of life as an active element. Later his quest would lead to the idea of activity, spontaneity and autonomy of the human subject. In the same work Kant grounds "the principle of interaction between philosophy and science" which, by the time of the first *Critique*, would evolve into "the principle of relateness of philosophy and science" (Kalinnikov, 2021, p. 22).

The second part of the book is devoted to the *Critique of Pure Reason*, which, according to Kalinnikov, contains a complete critical system, whose exposition forms the subject of the other works of this central stage of Kant's work. The author criticises the "genetic method" of studying Kant's philosophy and the view that the *Critique* is "an aggregate of several parts" (*ibid.*, p. 66). This view goes a long way to explaining the appearance of "traditional" arguments countering Kant's propositions, above all those that have to do with the impossibility of unknowable things-in-themselves. The author of the monograph pays particular attention to this problem. Kalinnikov also dwells on the critique of Kant by Karl Jaspers.

The third part of the book examines the *Opus Postumum* and its significance for Kant's philosophy. This work is important because it supplements the critical part of the system with a doctrinal one, which provides the "substantive basis" for which "philosophy as critique is

нову», для которой «философия как критика служит лишь средством» (Там же, с. 136). Именно она должна была придать философии отчетливую научность и воплотить принцип относительности философии и науки.

Эта только что вышедшая монография еще ждет своих читателей и рецензентов. Мы же сердечно поздравляем Леонарда Александровича Калининкова с 85-летием и с нетерпением ждем его новых работ.

Список литературы

Дементьев И. О. Рец. на кн. : Калининков Л. А. Э. Т. А. Гофман и И. Кант. Преодоление романтизма // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 6 : Гуманитарные науки. С. 159–164.

Зильбер А. С. Рец. на кн. : Калининков Л. А. Иммануил Кант в русской поэзии (философско-эстетические этюды). М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008 // Кантовский сборник. 2008. № 2 (28). С. 132–135.

Калинников Л. А. Понятия «вещь вообще» и «вещь в себе» и их роль в системе кантовского «критицизма» // Кантовский сборник. 1985. № 10. С. 4–11.

Калинников Л. А. Интерпретация и принципы // Кантовский сборник. 1989. Вып. 14. С. 81–90.

Калинников Л. А. Вл. Соловьев и И. Кант: этические конвергенции и дивергенции // Кантовский сборник. 1993. Вып. 17. С. 101–116.

Калинников Л. А. Вл. Соловьев и И. Кант: этические конвергенции и дивергенции. II. Человекобожие или Богочеловечество? // Кантовский сборник. 1994. Вып. 18. С. 45–58.

Калинников Л. А. Категория «София» и ее возможные соответствия в рационально построенной системе философии (Вл. Соловьев и Иммануил Кант) // Кантовский сборник. 1995. Вып. 19. С. 40–60.

Калинников Л. А. Иммануил Кант в русской поэзии (философско-эстетические этюды). М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.

Калинников Л. А. Э. Т. А. Гофман и И. Кант. Преодоление романтизма. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012.

merely a means" (*ibid.*, p. 136). It was to make philosophy rigorously scientific and embody the principle of relativity of philosophy and science.

The monograph has just been published, awaiting readers and reviewers. Heartfelt greetings to Leonard A. Kalinnikov on the occasion of his 85th birthday! We look forward to his new works!

References

Dementev, I. O., 2013. Book Review: L. A. Kalinnikov. E. T. A. Gofman i I. Kant. Preodolenie romantizma [E. T. A. Hoffmann and I. Kant. Transcending Romanticism]. *IKBFU's Vestnik*, 6, pp. 159-164. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 1985. The Concepts of "Thing in General" and "Thing in Itself" and their Role in Kant's System of "Criticism". *Kantian Journal*, 1(10), pp. 4-11. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 1989. Interpretation and Principles. *Kantian Journal*, 1(14), pp. 81-90. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 1993. VI. Solovyov and I. Kant: Ethical Convergencies and Divergencies. *Kantian Journal*, 1(17), pp. 101-116. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 1994. VI. Solovyov and I. Kant: Ethical Convergencies and Divergencies. II. Human-Godness or God-Humanity? *Kantian Journal*, 1(18), pp. 45-58. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 1995. Concept of "Sofia" and its Possible Correlates in a Rationally Constructed System of Philosophy (Vladimir Solovyev and Immanuel Kant). *Kantian Journal*, 1(19), pp. 40-60. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 2008. *Immanuel Kant v russkoj poezii (filosofsko-jesteticheskie jetjudy)* [Immanuel Kant in Russian Poetry (Philosophical-Aesthetic Essays)]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsia". (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 2012. E. T. A. Gofman i I. Kant. Preodolenie romantizma [E. T. A. Hoffmann and I. Kant. Transcending Romanticism]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Press. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 2013. A. A. Fet and Kant's Starry-Moral Theme in Russian Philosophical Lyrics. *Kantian Journal*, 1(43), pp. 46-62. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 2014a. A. A. Fet as a Theorist and a Practitioner of Pure Art and the Problem of the Nature of Poetry. *Kantian Journal*, 1(47), pp. 38-58. (In Rus.)

Калинников Л. А. А. А. Фет и Кантова звездно-моральная тема в русской философской лирике // Кантовский сборник. 2013. № 1 (43). С. 46–62.

Калинников Л. А. А. А. Фет как теоретик и практик чистого искусства и проблема природы поэзии // Кантовский сборник. 2014а. № 1 (47). С. 38–58.

Калинников Л. А. Философская система Канта и принципы ее интерпретации // Кантовский сборник. 2014б. № 3 (49). С. 7–18.

Калинников Л. А. Фундаментальная идея государственного права Канта в «Борисе Годунове» Пушкина // Кантовский сборник. 2016а. № 4 (58). С. 7–23.

Калинников Л. А. Философско-поэтическое мировоззрение А. А. Фета: влияние И. Канта и А. Шопенгауэра. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016б.

Калинников Л. А. Природа трансцендентальной философии и ее формы // Трансцендентальный поворот в современной философии (3): природа (специфика) трансцендентальной философии : тез. междунар. науч. семинара / отв. ред. С. Л. Катречко, А. А. Шиян. М. : ГАУГН, 2018а. С. 11–13.

Калинников Л. А. А. С. Пушкин и И. Кант. Поэт и философия. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018б.

Калинников Л. А. «Метафизика нравов» И. Канта в «Капитанской дочке» // Вопросы литературы. 2019а. № 3. С. 105–140.

Калинников Л. А. Природа и особенности трансцендентальной философии Канта // Трансцендентальный поворот в современной философии (4): трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания : сб. тез. междунар. науч. семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» / отв. ред. С. Л. Катречко, А. А. Шиян. М. : ГАУГН, 2019б. С. 42–46.

Калинников Л. А. Система Канта как развитие идеологических интенций Просвещения // XII Кантовские чтения. Кант и этика Просвещения: исторические основания и современное значение = 12th Kant-Readings. Kant and the Ethics of Enlightenment: Historical Roots and Contemporary Relevance : тез. докл. междунар. науч. конф. / ред.-сост. Н. А. Дмитриева, В. А. Чалый. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019в. С. 41–42.

Kalinnikov, L. A., 2014b. Kant's Philosophical System and the Principles of Its Interpretation. *Kantian Journal*, 3(49), pp. 1-18. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 2016a. Kant's Fundamental Idea of State Law in Pushkin's "Boris Godunov". *Kantian Journal*, 4 (58), pp. 7-23. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 2016b. *Filosofsko-pojeticheskoe mirovozzrenie A. A. Feta: vlijanie I. Kanta i A. Shopengaujera* [The Philosophical and Poetic Worldview of A. A. Fet. The Influence of I. Kant and A. Schopenhauer]. Kaliningrad: IKBFU Press. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 2018a. The Nature of Transcendental Philosophy and Its Forms. In: S. L. Katrechko and A. A. Shiyan, eds. 2018. *Transcendental'nyj povorot v sovremennoj filosofii (3): priroda (specifika) transcendental'noj filosofii: tezisy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* [The Transcendental Turn in Contemporary Philosophy (3): the Nature (Specificity) of Transcendental Philosophy. Proceedings of International Seminar]. Moscow: GAUGN Press, pp. 11-13. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 2018b. A. S. Pushkin i I. Kant. *Pojet i filosofija* [Pushkin and Kant. The Poet and Philosophy]. Kaliningrad: IKBFU Press. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 2019a. I. Kant's "Metaphysics of Morals" in "The Captain's Daughter". *Voprosy Literatury*, 3, pp. 105-140. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 2019b. The Nature and Specificity of Kant's Transcendental Philosophy. In: S. L. Katrechko and A. A. Shiyan, eds. 2019. *Transcendental'nyj povorot v sovremennoj filosofii (4): transcendental'naja metafizika, jepistemologija i filosofija nauki, teologija i filosofija soznaniya: tezisy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* [The Transcendental Turn in Contemporary Philosophy (4): Transcendental Metaphysics, Epistemology and the Philosophy of Mind. Proceedings of International Seminar]. Moscow: GAUGN Press, pp. 42-46. (In Rus.)

Kalinnikov, L. A., 2019c. Kant's System as the Development of Ideological Intentions of the Enlightenment. In: N. A. Dmitrieva and V. A. Chaly, eds. 2019. *12th Kant-Readings. Kant and the Ethics of Enlightenment: Historical Roots and Contemporary Relevance: Proceedings of the International Conference*. Kaliningrad: IKBFU Press, pp. 41-42.

Kalinnikov, L. A., 2021. *Filosofskaja sistema Kanta. Zamysel i itogi* [The Philosophical System of I. Kant. Conception and Outcomes]. Kaliningrad: IKBFU Press.

Kant, I., 1991. *An Answer to The Question: 'What Is Enlightenment?'* In: I. Kant, 1991. *Political Writings*, edited by H. S. Reiss. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 54-60.

Калинников Л. А. *Философская система Канта. Замысел и итоги.* Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Камі, 1994. Т. 1. С. 125–147.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 69–833.

Конеv В. А. Книга о жизни кантовских идей (Рец. на кн. : Калинников Л. А. Э. Т. А. Гофман и И. Кант. Преодоление романтизма) // Кантовский сборник. 2013. № 3 (45). С. 112–114.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб. : Искусство-СПБ, 2003. С. 391–762.

Пушкин А. С. Евгений Онегин // Собр. соч. : в 10 т. / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1960а. Т. 4. С. 5–198.

Пушкин А. С. Моцарт и Сальери // Собр. соч. : в 10 т. / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1960б. Т. 4. С. 321–332.

Соловьев В. С. Формальный принцип нравственности (Канта) — изложение и оценка с критическими замечаниями об эмпирической этике // Соч. : в 2 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М. : Мысль, 1988. Т. 1. С. 549–580.

Об авторах

Андрей Сергеевич Зильбер, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: AZilber@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-4086>

Сергей Валентинович Луговой, кандидат философских наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: SLugovoi@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4323-2173>

Варвара Сергеевна Попова, доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: VSPopova@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9299-4150>

Kant, I., 2001. *Critique of the Power of Judgment.* Edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Konev, V., 2013. A Book about the Life of Kant's Ideas (L. A. Kalinnikov. E. T. A. Hoffmann and I. Kant. *Transcending of Romanticism*). *Kantian Journal*, 2013, 3(45), pp. 112-114. (In Rus.)

Lotman, Yu. M., 1995. *Roman v stikhakh Pushkina "Eugene Onegin"* [Pushkin's Novel in Verse Eugene Onegin]. St. Petersburg: Iskusstvo. (In Rus.)

Pushkin, A., 1981. *Eugene Onegin: a Novel in Verse.* Translated from the Russian, with a commentary, by V. Nabokov. In 4 Volumes. Volume 1. Princeton: Princeton University Press.

Pushkin, A., 2007. *Mozart and Salieri.* In: A. Pushkin, 2007. *Boris Godunov and Other Dramatic Works.* Translated with notes by J. E. Falen. Oxford: Oxford University Press, pp. 121-132.

Solovyov, V. S., 1988. Kant's Formal Principle of Morality — Presentation and Evaluation with Critical Comments about Empirical Ethics. In: Solovyov, V. S., 1988. *Sochineniya [Works]*. Moscow: Mysl', pp. 549-580 (In Rus.).

Zilber, A. S., 2008. Book Review: L. A. Kalinnikov. *Immanuel Kant in Russian Poetry (Philosophical-Aesthetic Essays)*. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsia", 2008. *Kantian Journal*, 2(28), pp. 132-135. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The authors

Prof. Dr Vadim A. Chaly, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: VCHaly@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

Dr Sergey V. Lugovoy, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: SLugovoi@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4323-2173>

Prof. Dr Varvara S. Popova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

E-mail: VSPopova@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9299-4150>

Анатолий Геннадьевич Пушкарский, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: APushkarskii@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6161-3941>

Вадим Александрович Чалый, доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: VCHaly@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

Для цитирования:

Зильбер А. С., Луговой С. В., Попова В. С., Пушкарский А. Г., Чалый В. А. Рыцарь современной русской кантианы. К 85-летию Л. А. Калининкова // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 2. С. 7–26.

doi: [10.5922/0207-6918-2021-2-1](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2021-2-1)

© Зильбер А. С., Луговой С. В., Попова В. С., Пушкарский А. Г., Чалый В. А., 2021.

Anatoly G. Pushkarsky, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: APushkarskii@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6161-3941>

Dr Andrey S. Zilber, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: AZilber@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-4086>

To cite this article:

Chaly, V. A., Lugovoy, S. V., Popova, V. S., Pushkarsky, A. G. and Zilber, A. S., 2021. The Knight of Contemporary Russian Kantiana. On the 85th Birthday of Leonard Kalinnikov. *Kantian Journal*, 40(2), pp. 7-26.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-2-1>

© Chaly V. A., Lugovoy S. V., Popova V. S., Pushkarsky A. G., Zilber A. S., 2021.

